

ПЕРЕВОД ПОЭЗИИ КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ ЯЗЫКА

Нет сомнений в том, что переводы художественной литературы представляют собой тексты особого рода, занимающие отдельную позицию среди других литературных произведений. Также нет сомнений в том, что переводная литература в течение долгих лет оставалась падчерицей в литературной полисистеме по разным причинам. Например, по причине искажения оригинала, особенно в случае перевода поэтического текста. Действительно, если оригинал читается *Tylko siwy staruszek, który byłby prorokiem, / Ale nie jest prorokiem, bo ma inne zajęcie, / Powiada przewiązując pomidory: / Innego końca świata nie będzie* (Czesław Miłosz, „Koniec świata”), а в переводе на белорусский язык — *І толькі сівенькі стары, які мог быць прарокам, / Але ж не прарок, бо на гэтаёсцынішыя людзі, / Падвязае памідоры і кажа сабе: / Іншага канца свету не будзе* (пер. А. Ходанович) [1, с. 41], очевидно, что в данном случае смещены философские акценты: в оригинале говорится о том, что старик по собственной воле не хочет быть пророком, а в переводе — о том, что его место заняли другие, поскольку, возможно, он этого не достоин.

Однако подобные претензии ведут к требованию, предъявляемому к переводной литературе — как можно точнее отражать оригинал. А это провоцирует пренебрежение к подобным текстам уже со стороны лингвистов, которые не рассматривают их в качестве поставщиков инновационных форм, то есть таких источников, которые, обогащая и изменяя литературный язык, двигают его вперед, развивают его. Причем такое развитие осуществляется на всех уровнях языковой системы, проявляясь на высших этажах в «адаптации и заимствовании новых норм, литературных приемов в репертуар систем своего языка» [7, с. 20].

Тем не менее, и системы нижних уровней в такой ситуации, безусловно, обогащаются. Как считается, наибольшее количество заимствований проникает в языки через перевод. Самым очевидным в данном случае будет обогащение за счет безэквивалентной лексики, когда путем трансференции [6, с. 43] не только новые слова попадают в язык, но и новые знания в систему представлений носителей этого языка.

Однако более интересным кажется использование в переводах заимствованных слов, чье появление, казалось бы, не обусловлено острой необходимостью внедрения в систему языка новой единицы для номинации очередного экзотизма. Так, например, с достаточной настойчивостью в белорусских переводах польской поэзии появляется слово *філіжанка* (ср. пол. *Filizanka* ‘чашка’ [8, с. 165]: *калісьці я спазнала каханне/ яно было горкім/ як філіжанка чорнай кавы* (Г. Пасвятоўская «Мяне завуць Юлія...», пер. А. Емельянова-Шиловича [2, с. 6]; *Сподкі, шклянныя вечкі, / Квяцістыя філіжанкі/ Ляжаць на беразе рэчкі* (Ч. Мілаш «Песенька пра парцеляну», пер. А. Ходанович) [1, с. 55]. Казалось бы, в белорусском языке есть

соответствующее слово — *кубак* [4, с. 715]. Однако этим же словом называется и *кружка* [4, с. 692]. То есть, белорусский язык в данном случае не предоставляет возможности обозначить именно меньшую (в первом случае) и более хрупкую (во втором) посуду. Как представляется, появление подобной лексической единицы, своей или заимствованной, обогатило бы белорусский язык.

Переводческое словотворчество может, наоборот, объясняться борьбой с заимствованиями. Так, в стихотворении Ч. Милоша встречаем: *Ты кляўся не быць ніколі / плакальніцай жалобнай* (Ч. Мілаш «У Варшаве», пер. А. Ходанович) [1, с. 48], ср. пол. *Przysięgałeś, że nigdy nie będziesz / Płaczką żalobną*. Слово *плакальніца* отсутствует в белорусском языке, вместо него словарь предлагает дериват *плакальшчыца* [4, с. 545]. Однако, поскольку «суффикс *-чык-* (*-шчык-*) начали распространяться у нас только в XIX в. с началом русского влияния» [3], переводчик заменил его дериватом, представляющим более соответствующим белорусскому языку, и, как представляется, небезосновательно: «Интересно, что в ранней (видимо, авторской) редакции «Тараса на Парнасе» есть слово *палесаўнік*, а в позднейшей — его заменило слово *палясоўшчык*. Сложная судьба белорусского слова *бунтаўнік*, которое встречается и в языке актов, и в «Сыноніме славенароскай». В наше время, к сожалению, используется *бунтаўшчык*. Первый белорус, который использовал слово *бунтовщик*, был российский поэт XVIII в. А. Белобоцкий» [3].

Как известно, появление не фиксируемых словарями слов в поэтическом тексте обусловлено также законами стиха — сохранением рифмы и ритма. Именно последнее заставило А. Ходановича использовать в цитированном выше переводе Ч. Милоша слово *парцяляна* вместо *фарфор*, предлагаемого «Толковым словарем белорусского литературного языка» (Тлумачальны слоўнік 2005, с. 707): *Niczego mi proszę pana / Tak nie żal jak porcelany — Нічога мне так, мой мілы, / не шкода, як парцяляны* [1, с. 55]. Конечно, вопрос о том, вытеснит ли слово, появившееся посредством польского языка, заимствование, пришедшее через русский, остается открытым.

Также ритмической организацией стиха объясняется появление в переводе стихотворения Ч. Милоша «Ганак» (пер. Г. Янкута [9, с. 23] слова *зяленіва*, которое отсутствует в словаре белорусского языка: *Як апрануцца ў зяленіва гоні*. Однако это не позволило переводчице передать ритмику оригинала, поскольку (выделенные слоги это показывают) у нее получился классический дактиль. В оригинале же читаем: *Kiedy już dęby w zieleń się przybiorą* — здесь также начальным размером является дактиль, но дальше все меняется — автор создал красивый логаяд из дактиля, ямба, дактиля и еще одного ямба.

Известно, что помимо заимствований и морфологической деривации в развитии словаря любого языка принимает участие деривация семантическая. Рассматриваемые переводы стихов Ч. Милоша представляют интересный пример семантической деривации, комбинированной с заимствованием. В

переводе стихотворения «Алкаголіку ваходзіць у нябесную браму» (пер. А. Чобот [1, с. 210]) читаем *дзе патанае куля, што душыць цяжарам грудзі* как перевод стиха *topnieje gniotąca pierś rozpalona kula*. В последнем слово *kula* употреблено в значении ‘шар’ [8, с. 271], хотя в его семантическую структуру входят также значения ‘пуля’, ‘ядро’ и др., поскольку только шар может давить (ср. *gniotać*) грудь. В белорусском же языке слово *куля* содержит, по данным «Толкового словаря белорусского литературного языка» (Тлумачальны слоўнік 2005, с. 307) только значение ‘пуля’. То есть, переводчик в данном случае восстановил, по сути дела, этимологическое значение слова (ср. в «Этимологическом словаре белорусского языка»: заимствовано из польск. *куля* ‘пуля’ (<с.-в.-нем. *kule* ‘шар, куля’) [5, с. 157].

Как ни странно, заимствуется и грамматическая семантика. Так, в стихе *калісьці людзі читалі толькі мудрыя кнігі, / якія дапамагалі трываць няшчасці і боль* (Ч. Мілаш «Ars poetica?», пер. А. Ходанович) [1, с. 96]. Глагол *трываць* не имеет валентности дополнения, тем более прямого (Тлумачальны слоўнік 2005, с. 664), зато ею обладает слово *znosić* в оригинальном тексте (*Był czas, kiedy czytano tylko mądre książki / pomagające znosić ból oraz nieszczęście*) и отсюда эта модель управления перекочевывает в белорусский текст. Может ли с таким управлением глагол *трываць* составить конкуренцию предлагаемому словарями глаголу *пераносіць* [3, с. 498], подозрительно напоминающему русский глагол той же семантики. Это должно показать время.

Таким образом, очевидно, что переводческое решение о заимствовании из языка оригинала связана с необходимостью сохранения адекватности стиля и мысли оригинального текста. Как представляется, удачные заимствования кроме участия в точном выражении авторского замысла имеют все шансы пополнить семантическую систему языка перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мілаш, Ч. Выратаванне: выбраныя вершы і паэмы. — Мінск, 2011.
2. Пасвятоўская, Г. Ідалапаклоніца: вершы. — Мінск, 2016.
3. Пацюпа, Ю. Беларуская мова ў часе [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <http://churchby.info/rus/272>. — Дата доступу: 08.03.2017.
4. Русско-белорусский словарь: В 3 т. — Минск, 1993.
5. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 5. — Мінск, 1989.
6. Catford, J.C. A linguistic Theory of Translation. — Cambridge, Massachusetts, 1965.
7. Walczak, J. Teoria i praktyka polskiej translatoryki na przykładzie nowopolskich tłumaczeń wybranych utworów Williama Shakespeare’a i Jona Milтона. — Warszawa, 2013.
8. Wielki słownik polsko-rosyjski / red. J. Wawrzyńczyk. — Warszawa, 2005.